

Андреева А. Д. Становление институционального образа детства в новейшей истории российского общества / А. Д. Андреева // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 342—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-342-355.

Andreyeva, A. D. (2017). Formation of Institutional Image of Childhood in Recent History of Russian Society. *Nauchnyy dialog*, 8: 342-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-342-355. (In Russ.).

УДК 159.9+008:392.18

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-342-355

Становление институционального образа детства в новейшей истории российского общества¹

© Андреева Алла Дамировна (2017), orcid.org/0000-0002-1253-8903, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией научных основ детской практической психологии, Психологический институт РАО (Москва, Россия), alladamirovna@yandex.ru.

SPIN-code: 4942-5499

Представлены результаты сравнительно-исторического исследования содержания нормативного образа детства, сложившегося в Советском Союзе и современной России. Установлено, что начало исторически неразрывному процессу создания единого стандарта детства было положено в 20-ые годы прошлого столетия. Именно тогда впервые в нашей стране была поставлена задача создания идеального образа детства, на который должны были ориентироваться взрослые, ответственные за воспитание будущих граждан нового общества. Особое внимание уделяется такому средству массового просвещения и психологического воздействия, как плакат, позволявший преодолеть ограниченность информационного пространства, низкий уровень грамотности и социальной культуры основной массы населения. Подчеркивается, что анализ плаката является важным методом исследований в рамках сравнительно-исторического подхода, опирающимся на вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности. Показано, что отражение в советском плакате идей материнства и детства позволяет реконструировать историю становления институционального образа детства, определяемого социальными, экономическими и идеологическими задачами Советского государства. Глубокие политические и социально-экономические перемены, произошедшие в стране в 90-е годы прошлого века, внесли некоторые коррективы в институциональный образ детства, освободив его от идеологических установок и предложив альтернативные подходы к обучению и воспитанию детей. Отмечается, что в современной России вновь усиливается

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-06-00036.

тенденция к унификации системы образования и выработке ориентиров социально желательного образа детства, закрепляемых Федеральным государственным стандартом образования.

Ключевые слова: психологический образ; институциональный образ детства; сравнительно-исторический подход; плакат; продолжительность детства; мораторий на взросление.

1. Введение

Всякий психологический образ, в том числе и образ детства, имеет два уровня существования: институциональный и обыденный, который еще принято называть «наивной картиной мира». Институциональный образ детерминирован социальной культурой общества, включающей в себя этические и правовые нормы деятельности, концептуальные основы, нравственные позиции, моральные принципы, определяющие деятельность и поведение субъекта. Это некий обобщенный норматив, не всегда конкретизируемый в прямых предписаниях о желательном качестве его отдельных элементов. Обыденный образ субъективен, тесно связан со сферой бессознательного и определяется системой социальных представлений и установок индивида, его мотивами и потребностями, привычками и убеждениями. Именно этот уровень обеспечивает устойчивость и личностную обусловленность психологического образа [Берулава, 2001; Горячев, 2012; Леонтьев, 2003]. Институциональные ограничения и требования выступают регуляторами функционирования всей социальной системы.

Один из основателей институционально-эволюционной теории развития общества, лауреат Нобелевской премии Дуглас Норт [Норт, 1997; Норт, 2010], подчеркивал, что для анализа институциональных феноменов общества огромное значение имеет история, поскольку настоящее и будущее связаны с прошлым именно непрерывностью существования основных социальных институтов, таких как семья, система образования, производственная сфера. Каждая страна имеет свою индивидуальную институциональную матрицу, то есть присущее только ей переплетение взаимосвязанных формальных правил и неформальных ограничений, ведущих развитие общества по пути, отличному от траектории развития других стран. Институциональный подход совмещает в себе теоретическую работу, исторические исследования и анализ ситуации на конкретных объектах, то есть пытается «соединить микроуровень человеческой деятельности с макроуровнем побудительных мотивов, образованных институциональной системой» [Норт, 1997, с. 144].

Исходя из представления об исторической неразрывности нормативного образа детства, сформировавшегося в Советском Союзе и современ-

ной России, мы предприняли попытку проанализировать процесс создания единого стандарта детства, начало которому было положено в 20-е годы прошлого столетия. Принципиальная новизна стоявшей перед государством задачи определялась тем, что впервые в истории страны реализовывалась модель общества, в котором все граждане имеют равные права, возможности и обязанности вне зависимости от классовой принадлежности. Никогда прежде речь не шла об унификации требований к условиям жизни и воспитания детей, о создании некоего идеального образа детства, на который должны были ориентироваться взрослые, так или иначе ответственные за воспитание будущих граждан нового общества — родители, педагоги, врачи, работники социальных служб.

В условиях ограниченного информационного пространства того времени, низкого уровня грамотности основной массы населения, неразвитости читательской культуры, слабой ориентированности в новых социокультурных реалиях одним из самых эффективных средств просвещения и психологического воздействия на людей стал плакат.

Следует отметить, что приблизительно до середины прошлого столетия плакат во всех своих жанрах — политическом, просветительском, пропагандистском, рекламном — был самым популярным агитационным оружием во многих странах. Плакат включает в себя не только изображение идеи, но и ее сжатую, запоминающуюся формулировку. Выполняя просветительскую функцию, он содержит текстовой и рисуночный алгоритм действий по воплощению призыва в жизнь. Плакат транслирует и поддерживает в сознании людей суждения и ценностные ориентации, задаваемые системой пропаганды, и именно поэтому является важнейшим инструментом формирования общественного мнения. Так, например, тематика советских плакатов определялась теми нормативными документами и установками, которые отражали приоритетные направления развития общества. Анализ плаката как один из методов исследований, проводимых в рамках сравнительно-исторического подхода, опирается на структурный анализ, контент-анализ, статистический подсчет наиболее часто используемых образов и символов. В современных исследованиях содержание плакатов анализируется через вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности [Аронсон и др., 2003; Шестаков, 2016].

Именно отражение в советском плакате идей материнства и детства позволяет реконструировать историю становления институционального образа детства, определяемого социальными, экономическими и идеологическими задачами Советского государства. Эти плакаты были адресованы в первую очередь родителям, которым предлагалась принципиально

новая модель детства, новая система семейных ценностей и новый уровень ответственности за воспитание ребенка [Материнство и детство ..., 2006].

2. Формирование институционального образа детства в Советской России

Исторически первым, базовым элементом институционального образа советского детства стало здоровье ребенка. Огромные людские потери, вызванные войнами и послереволюционной разрухой, требовали восполнения, поэтому охрана материнства и детства была провозглашена приоритетным направлением государственной политики. Был учрежден Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава, проводивший широкую пропаганду принципов здорового образа жизни. Ведущие советские педагоги и врачи разработали программу, в основу которой легли прогрессивные по тому времени методы медицинского и педагогического просвещения населения. Были созданы методический центр и издательство, организован музей и регулярные передвижные выставки. Огромная роль в реализации этой программы была отведена плакатам и открыткам, к работе над которыми привлекли известных художников.

Наглядность и доступность медицинских и педагогических рекомендаций и требований противопоставлялись «старым порядкам», когда по отношению к очередному ребенку традиционно (особенно среди крестьянства) применялись оценки «жилец» и «не жилец». Так, например, один из плакатов (1923 г.), изображающий младенца, плывущего в деревянном корыте по бурной реке, призывает: «Берегите ребенка!! Не дайте ему погибнуть среди подводных камней. Дайте ему выплыть на широкую жизненную дорогу полным здоровья и сил». На подводных камнях, окружающих корыто, перечислены те риски, которым подвергают ребенка некультурные матери: плохой уход, грязное содержание, жеваная соска, кормление коровьим молоком, ранний прикорм, душный спертый воздух, темная комната. Матерей призывают посещать медицинские учреждения, учиться правильному уходу за ребенком: «Дети не должны умирать! Чем сознательнее мать, тем меньше болеют у нее дети. Полно в консультациях — пусто на детских кладбищах» (1925 г.). Другие плакаты подсказывают женщинам новые социальные возможности для решения трудных жизненных ситуаций: «Матери, не подкидывайте детей! Идите в советы социальной помощи. Там вам помогут» (1923 г.).

Несмотря на очевидную ориентированность этих программ на повышение медицинской и социальной культуры населения, привитие женщинам сознательного и ответственного отношения к материнству, они формиро-

вали первый в истории нашей страны стандарт детства, главным символом которого стал крепкий, здоровый ребенок. Наглядная агитация призывала: «Берегите детей — они залог будущего, радость настоящего!» (1925 г.), «В Советской республике не должно быть больных и беспризорных детей! Здоровое физически и духовно молодое поколение — верный проводник идей коммунизма!» (1923 г.).

Восстановление разрушенной экономики страны, развитие промышленности и сельского хозяйства требовали огромных людских ресурсов. Все трудоспособное население призывалось к активному участию в трудовых свершениях. Государство предлагало гражданам социальный контракт, согласно которому оно брало на себя существенную часть забот о детях работающих родителей. Была создана и успешно функционировала система общественного воспитания, первыми звеньями которой стали ясли и детские сады дневного пребывания: «Ясли и родильную помощь — работнице и крестьянке!» (1928 г.), «Тракторы и ясли — двигатели новой деревни!» (1930 г.). Позже появились круглосуточные детские учреждения, летние дачи и лагеря для детей постарше, дома пионеров, кружки, спортивные секции как своеобразная служба занятости ребенка вне школы. Родители, передав своих детей на попечение государства, могли всецело отдаться строительству новой жизни.

Однако не менее важной для молодого советского государства была задача правильного социального воспитания детей — членов будущего исторически нового мира. Детские учреждения не только освобождали женщин для труда на благо государства, но и обеспечивали единую программу воспитания и обучения детей, отвечающую идеологии советского общества. Плакаты, подчеркивающие преимущества общественного воспитания, противопоставляли его домашней скуке: «Мне дома скучно!» — гласил плакат, изображавший плачущего ребенка, сидящего на полу рядом с ведром и метлой (1930 г.).

Таким образом, институциональный образ детства пополнился еще одним элементом — принадлежностью к определенной социальной структуре, включенностью в общую жизнь страны в доступных для маленького ребенка формах. Целенаправленное развитие социальной идентичности стало одной из важнейших задач воспитания подрастающего поколения.

Следующим значимым элементом нормативного образа советского детства стала формула «счастливое детство». К середине 30-х годов сложился канон, которому должны были соответствовать художественные произведения о детях — книги, кинофильмы, картины. Основопологающим условием счастливого детства было «рождение под советской звездой».

дой». Этот почти библейский сюжет нашел отражение в плакатах, сопровождавших принятие Конституции СССР 1936 года, и, по-видимому, должен был на подсознательном уровне апеллировать к патерналистским чувствам людей, их потребности в защите от внешних угроз и отеческой заботе государства о благополучии населения. Так, плакат со слоганом «Счастливые родятся под советской звездой» (1936 г.) изображал «правильно ухоженного младенца», над которым горит красная пятиконечная звезда. Этой же задаче отвечали и многочисленные плакаты, на которых радостные и здоровые дети разных возрастов выражают благодарность Сталину за свое счастливое детство.

Образу «счастливого детства» соответствовал и образ «счастливого будущего», предполагавший, что мироустройство, подобное советскому, в самое ближайшее время охватит всю планету. Плакат с лозунгом «Весь мир будет наш!» (1935 г.) изображает ребенка, устанавливающего над глобусом красный флажок со звездой. Каждый ребенок и каждая семья могли почувствовать себя хозяевами будущей жизни, будущего мира. Заведомая нереализуемость этой мечты подчеркивает идеологический, пропагандистский характер предложенного образа будущего, истинной задачей которого было воспитание мировоззрения детей, их идейной идентичности. Позже, в послевоенные годы, тема счастливого и безопасного детства в СССР вплотную соединилась с темой борьбы за мир, критикой капиталистических стран, утверждением преимуществ социализма. Этим как бы закреплялся приоритет советского образа детства, социалистического мировоззрения над иными, чуждыми и даже враждебными социально-экономическими моделями и идеологическими установками.

Образование детей, равно как и просвещение родителей, занимало важное место в деятельности советского государства. Научно-технический прогресс, начавшийся на рубеже XIX—XX веков, понимание того, что подъем современной экономики невозможен при низкой грамотности работников, выдвинул образование в число приоритетных направлений государственной политики. Бесплатное начальное, а затем и среднее образование стали доступны всем слоям населения. Родителей обязали отдавать детей в школу, за не посещающих школу детей боролись органы народного образования, общественные организации на предприятиях, где работали «несознательные» родители. «Неграмотный ребенок — позор для матери!» — гласил плакат, изображавший мать, обеими руками удерживающую сына, стремящегося вслед за друзьями пойти в школу (1930 г.). Проводилось активное педагогическое просвещение родителей, которым предлагались новые, культурные модели поведения. Вопреки не утихаю-

щим по сей день дискуссиям о пользе рукоприкладства в воспитании ребенка, плакат, выпущенный в 1929 году, призывал: «Не бей ребенка — это задерживает его развитие и портит характер!» Другие плакаты предлагали альтернативные методы воспитания: «Чем ребят бранить и бить, лучше книжки им купить» (1929 г.). Для большинства детей школа составляла разительный контраст с их повседневной жизнью и бытом, культурной и образовательной средой: чистые просторные помещения, красиво оформленные классы, интересная общественная жизнь. Школа была одним из основных источников новых впечатлений для детей — информационных, социальных, культурных, эмоциональных. Огромную роль играло пионерское движение, созданное в начале 20-х годов по образцу самостоятельных скаутских отрядов при предприятиях или по месту жительства, а к середине 30-х годов слившееся с воспитательной работой школы.

Обязательное для всех детей посещение школы выполняло еще одну важную функцию — способствовало формированию социальной идентичности «советский школьник». В 1951 году Л. И. Божович дала психологическую характеристику этому феномену, обозначив его как «внутреннюю позицию советского школьника», подчеркивая особое положение школьника в социалистическом обществе. Она пишет: «...учение и школа составляют для советских детей те необходимые объективные условия развития, в которых формируются качества личности, свойственные именно советскому школьнику, складывается нравственный облик ребенка, определяется его общественное лицо. Если у кого-либо из наших детей не создалась внутренняя социальная позиция школьника, если он не воспринимает и не переживает учение как деятельность общественно важную, а себя — как члена единого учебно-трудового коллектива, то уже этим самым ребенок становится в “дефективные”, выражаясь словами Макаренко, отношения к обществу. Он “выпадает” из нормальной жизни и деятельности основной массы советских детей, а, следовательно, и из тех условий, в которых должна формироваться личность советского школьника. Вместе с тем советский ребенок не может жить вне общества, вне коллектива; его жизнь должна быть заполнена какими-то содержательными отношениями, интересами и переживаниями. Поэтому те дети, которые не вошли в школьную жизнь и учение или по каким-либо причинам утратили внутреннюю позицию школьника, как правило, ищут и находят для себя иную внутреннюю позицию, иной коллектив, иное содержание жизни и деятельности» [Божович, 2008, с. 26]. Эта пространная выдержка из статьи Л. И. Божович, впервые опубликованной в 1951 году, отчетливо отражает идеологическую обусловленность самого содержания понятия «внутренней позиции со-

ветского школьника». Идея целенаправленного воспитания, формирования «правильного» советского человека, поведение которого регулируется «правильными» мотивами, адекватными ценностям социалистического общества, и определила приоритетный статус внутренней позиции школьника в иерархии учебных мотивов советских школьников как центрального мотивационного образования.

Окончательное оформление этой социальной роли произошло позже, после введения в послевоенные годы школьной формы, которая атрибутировала принадлежность ребенка к значимому социальному институту, маркировала его статус в обществе. Плакаты тех лет призывали школьника «носить форму с честью».

Итак, к середине 30-х годов прошлого века институциональный образ советского детства предполагал воспитание здорового ребенка, с раннего возраста включенного в общественную жизнь, старательно учащегося в школе, активно участвующего в жизни страны, уверенного в правильности и однозначности своих представлений о стране и мире. Более того, этот образ стал эмоционально окрашенным — «счастливым», «радостным», «благодарным».

В этот же период расширилось и представление о здоровом детстве, которое включало в себя уже не только физическое, но и социальное благополучие ребенка. Детство должно быть свободно от тяжелых пороков темного бескультурного — пьянства, курения, рукоприкладства. Плакаты напоминали родителям: «Помни! Когда ты пьешь, твоя семья голодна!» (1930 г.), «Куренье — яд, берегите ребят» (1930 г.), приводили диаграммы состояния здоровья и умственных способностей у курящих и некурящих учеников. Целая серия плакатов была посвящена подростковому алкоголизму, начинавшемуся чаще всего в семье. Плакаты призывают родителей не вовлекать детей в семейные застолья, не приучать их к алкоголю, приводят результаты опроса 280 московских школьников, 139 из которых к выпивке приучил отец, 87 — мать и только 6 человек достали спиртное сами, иллюстрируют сравнительные данные об успеваемости пьющих и непьющих школьников (1930 г.).

Формирование образа «здорового детства» отчетливо предполагало воспитание родительской культуры, педагогическое и медицинское просвещение семьи, искоренение обыденных представлений взрослых о допустимости так называемых «вредных привычек» школьника.

Социальная политика советского государства удлинила детство, освободив детей от необходимости раннего включения в трудовую деятельность и предоставив им возможность подготовиться к будущему квалифи-

цированному труду. Однако ребенок должен был не только хорошо учиться, но и оказывать хозяйственную помощь семье, участвовать в работах по благоустройству окружающего пространства. Институциональный образ детства включал в себя посильный детский труд на благо общества. Советский ребенок не должен расти лентяем, бездельником, белоручкой: «Люби труд», «Ты труд другого уважай — сам насорил, сам убирай!» (1954 г.), «Мы должны с тобою сами помогать в хозяйстве маме» (1955 г.), «Учись все делать сам» (1954 г.), «Не растить барчуков!» (1956 г.). Немало было и сатирических плакатов, иллюстрировавших плоды излишнего родительского внимания: «Баловали с детства сына: “Ах, как мил, умен, пригож!” — Вот и выросла дубина... Что посеешь, то пожнешь!» (1957 г.).

Акцент на трудовом воспитании подростков, обозначившийся к середине 50-х годов, не был случайным. Страна по-прежнему нуждалась в молодых, крепких, умелых рабочих руках, поэтому школьное детство не могло быть слишком длительным. Восстановление и развитие промышленности требовало восполнения утраченных в годы войны трудовых кадров, да и многие семьи, потерявшие кормильцев, жили слишком бедно, чтобы позволить себе содержать трудоспособных неработающих детей. Целая серия плакатов, датированных 1948—1958 гг., призывали подростков овладевать квалифицированными рабочими профессиями. Обучение в ремесленных, железнодорожных училищах, школах ФЗО рассматривается как привлекательный путь продолжения образования и приобретения востребованной профессии. Таким образом, нормативный образ советского детства, сложившийся к середине XX столетия, обозначил его верхнюю возрастную границу как старший подростковый возраст, на который приходится окончание неполной средней школы, то есть 14—15 лет.

В целом институциональный образ советского детства складывался на протяжении примерно 40 лет, расширяясь по мере развития социальной, экономической и идеологической инфраструктуры общества. Постепенное включение в образ детства новых «опций» свидетельствовало о повышении значимости детства для формирования полезного члена социалистического общества, об удлинении периода детства, неизбежном в условиях научно-технического прогресса, усложнения трудовых и социальных требований к человеку. Идеологическая составляющая советского образа детства призвана была закрепить его в сознании людей как единственно правильный, свободный от недостатков и пороков капиталистического общества.

Проведенный нами реконструктивный анализ истории советского плаката, посвященного проблеме защиты материнства и детства, позволяет

составить описание институционального образа детства, сформировавшегося к концу 60-х годов. Крепкий, здоровый ребенок растет в благополучной семье, свободной от пережитков и пороков темного прошлого — пьянства, рукоприкладства, курения. Посещая детские учреждения, учась в школе, становясь октябренок и пионером, он включается в систему доступных ему общественных отношений, идентифицируя себя с определенной социальной группой. Ребенок растет свободным и счастливым, имеет возможность развивать свои силы и способности, познавать мир и искать свое место в нем. Он должен хорошо учиться, заниматься спортом, беречь и укреплять свое здоровье, помогать взрослым в их повседневных заботах и делах. Любовь к родине, благодарность государству за отеческую заботу о счастливом детстве — обязательный эмоциональный компонент институционального образа советского детства. Верхняя граница фактического детства зафиксирована в возрасте 14—15 лет, по достижении которого человек, после непродолжительного периода обучения профессиональным навыкам, может приступить к трудовой деятельности.

В целом такой норматив детства практически без изменений сохранялся до распада Советского Союза. К этому времени общая и социальная культура населения достигла достаточно высокого уровня, необходимого для полноценного выполнения обязанностей по воспитанию и образованию детей. Ценность детства, как и во всем развитом мире, стала неотъемлемой частью массового сознания, поэтому отпала необходимость в наглядном оформлении государственных приоритетов в области детства. Плакат потерял свою социальную актуальность, передав регулирующие и побуждающие функции другим средствам просвещения.

Самым существенным дополнением сложившегося к концу 60-х годов норматива детства стало введение в 1972 году обязательного полного среднего образования, повысившего на два года верхнюю границу фактического детства.

3. Особенности институционального образа детства в современной России

Глубокие политические и социально-экономические перемены, произошедшие в стране в 90-е годы прошлого века, внесли некоторые коррективы в институциональный образ детства. Оно стало свободным от идеологического воспитания, личных обязательств перед государством. Разрушение монолитной стройной системы образования, гуманизация и демократизация образовательных стратегий, отсутствие понятного образа будущего сделали актуальными альтернативные, не регламентированные

государством подходы к воспитанию и обучению детей. Появились авторские школы, работающие по собственным приоритетам и реализующие свои модели воспитания и развития детей, было узаконено право на семейное образование.

Однако в последние годы усилилась тенденция к унификации системы обучения и воспитания будущих граждан страны, выработаны государственные стандарты и требования к реализации образовательных программ всех типов и уровней, обозначены ориентиры желательного образа нового российского гражданина. Основным документом, в котором законодательно зафиксирован целостный образ современного российского детства, является Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС). Теперь норматив детства адресован не столько семье, сколько специалистам в области воспитания и образования детей. В целом этот норматив воспроизводит основные элементы институционального образа детства, складывавшегося в России на протяжении последних 100 лет, отличаясь лишь конкретизацией желательных качеств личности будущего гражданина.

Вместе с тем существенно увеличилась фактическая продолжительность современного детства, поскольку новые технологии, используемые во всех сферах трудовой деятельности, требуют более длительного обучения. Завершение высшего профессионального образования сегодня приходится на возраст 22—24 года, а среднего специального — на 19—20 лет. Своеобразным маркером этого процесса стало повсеместное использование в обыденной лексике слова «дети» по отношению не только к школьникам, но и к студентам колледжей и вузов и, что еще более, удивительно, к солдатам срочной службы. Например, на сайте Комитета солдатских матерей размещен материал на тему «Армия воспитывает, матери защищают», отражающий обыденное отношение к степени зрелости молодых людей, призванных выполнять свой долг по защите отечества.

Продолжительность детства всегда является показателем уровня развития человеческого общества. В древних сообществах детство ограничивалось только периодом физической беспомощности ребенка, ибо необходимые для жизни трудовые навыки были настолько просты, что практически не требовали обучения. Чем более сложными становились условия жизни в обществе, тем больше времени было необходимо для подготовки к полноценному включению в нее, тем длиннее становилось детство. Но есть и еще один важный аспект проблемы удлинения современного детства. С ростом качества жизни растет не только ее продолжительность, но и трудоспособность населения. Более опытное старшее поколение продол-

жает работать, задерживая тем самым приток молодых членов общества на рынок труда и в общественно-политические сферы. Формально право молодых пользоваться всеми гражданскими правами и обязанностями регламентируется законодательно, то есть установленным возрастом совершеннолетия. В большинстве стран это возраст 18—21 год, однако реальный «полудетский» статус молодых людей в современном развитом обществе создает мораторий на принятие ими своих гражданских обязанностей.

4. Заключение

Мораторий на взросление выступает, на наш взгляд, проявлением глубинного противоречия современного этапа развития общества префигуративной культуры. Антрополог и культуролог Маргарет Мид [Мид, 1988] характеризует его как общество, в котором происходят стремительные и глобальные изменения материальных и социальных условий жизни, разрушающие сложившиеся в предшествующих поколениях схемы и модели поведения. И дети, и взрослые оказываются перед необходимостью выработки новых способов действия в совершенно новых обстоятельствах, и дети порой оказываются более адаптированными к этим новым условиям, чем взрослые. Однако очевидная тенденция к удлинению периода детства практически во всех экономически развитых странах, продление моратория на принятие молодыми гражданами социальной ответственности, опора на задаваемые старшими поколениями способы жизни в быстро меняющихся условиях могут стать препятствием в создании того общества, которое бы в наибольшей степени отвечало новым возможностям человечества.

Литература

1. Аронсон Э. Эпоха пропаганды : механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2003. — 472 с.
2. Берулава Г. А. Образ мира как мифологический символ : учебное пособие / Г. А. Берулава ; Российская академия образования, Научно-образовательный центр. — Москва : Педагогическое общество России, 2001. — 45 с.
3. Божович Л. И. Отношение школьников к учению как психологическая проблема / Л. И. Божович // Психология в вузе. — 2008. — № 5 — С. 6—35.
4. Горячев В. В. Психология образа А. Н. Леонтьева / В. В. Горячев // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии : сборник статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. — Новосибирск : СибАК, Часть II. — 2012.
5. Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Мир психологии. — 2003. — № 4. — С. 11—18.

6. *Материнство* и детство в русском плакате / сост. А. Е. Снопков, П. А. Снопков, А. Ф. Шклярчук. — Москва : Контакт-Культура, 2006. — 160 с.
7. *Мид М.* Культура и мир детства / М. Мид. — Москва : Наука, 1988. — 429 с.
8. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — Москва : Начала, 1997. — 180 с.
9. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. — Москва : Издательский дом государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. — 256 с.
10. *Шестаков М. Е.* Пропагандистский плакат как средство реализации политической идеологии / М. Е. Шестаков // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России : сборник научных статей. — Саратов : Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина. — 2016. — С. 76—78.

Formation of Institutional Image of Childhood in Recent History of Russian Society¹

© **Andreyeva Alla Damirovna (2017)**, orcid.org/0000-0002-1253-8903, PhD in Psychology, Head of Laboratory of Scientific bases of children's practical psychology, Psychological Institute of Russian Academy of Education (Moscow, Russia), alladamirovna@yandex.ru.

SPIN-code: 4942-5499

The results of comparative-historical study of the content of the normative image of childhood that emerged in the Soviet Union and modern Russia are presented. It is established that the beginning of historically inextricably linked process of creating a single standard of childhood began in 1920s. It was the first time in our country when the task of creating a perfect image of childhood, which had to guide the adults responsible for the upbringing of future citizens of a new society, was set. Special attention is paid to such means of mass education and the psychological impact, as a poster, allowing to overcome the limits of the information space, the low level of literacy and social culture of general population. It is emphasized that the analysis of the poster is an important method of research in the framework of the comparative-historical approach based on verbal and nonverbal means of expressiveness. It is shown that the reflection of the ideas of motherhood and childhood in the Soviet poster allows to reconstruct the history of formation of the institutional image of childhood, determined by social, economic and ideological objectives of the Soviet state. Deep political and socio-economic changes that occurred in the country in 1990s, made some adjustments to the institutional image of childhood, freeing it from ideology and suggesting alternative approaches to training and education of children. It is noted that in contemporary Russia once again is growing the trend towards unification of the system of education and the development of guidelines of socially desirable image of childhood, fixed in Federal state education standard.

Key words: psychological image; institutional image of childhood; comparative-historical approach; poster; duration of childhood; moratorium on growing up.

1 The article is financially supported by Russian Fund of Basic Research. Project No. 17-06-00036.

References

- Aronson, E., Pratkanis, E. R. 2003. *Epokha propagandy: mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoye ispolzovaniye i zloupotrebleniye*. Sankt-Peterburg: Praym-Evroznak. (In Russ.).
- Berulava, G. A. 2001. *Obraz mira kak mifologicheskij simbol: uchebnoye posobiye*. Moskva: Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii. (In Russ.).
- Bozhovich, L. I. 2008. Otnosheniye shkolnikov k ucheniyu kak psikhologicheskaya problema. *Psikhologiya v vuze*, 5: 6—35. (In Russ.).
- Goryachev, V. V. 2012. Psikhologiya obraza A. N. Leonteva. In: *Lichnost', semyya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sbornik statey po materialam XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk: SibAK, II. (In Russ.).
- Leontyev, A. N. 2003. Obraz mira. *Mir psikhologii*, 4: 11—18. (In Russ.).
- Mid, M. 1988. *Kultura i mir detstva*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Nort, D. 1997. *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moskva: Nachala. (In Russ.).
- Nort, D. 2010. *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy*. Moskva: Izdatelskiy dom gosudarstvennogo universiteta — Vyshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Shestakov, M. E. 2016. Propagandistskiy plakat kak sredstvo realizatsii politicheskoy ideologii. In: *Konservativnyye traditsii i liberalnyye tsennosti v postsotsialisticheskoy Rossii*. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya im. P. A. Stolypina. (In Russ.).
- Snopkov, A. E., Snopkov, P. A., Shklyaruk, A. F. 2006. *Materinstvo i detstvo v russkom plachte*. Moskva: Kontakt-Kultura. (In Russ.).